

НОВГОРОДСКИЕ И МОСКОВСКИЕ «КАНДИДАТЫ»
НА РОЛЬ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ДЕЛОВОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ РУСИ XV в.¹

История неопределенных местоимений в современном русском языке до сих пор незаслуженно оставалась за рамками исследований. Частными вопросами этой истории являются лексикализация обобщенно-уступительных конструкций «местоимение + *ни буди*», в ходе которой глагольная форма утратила предикативность и объединилась с отрицательной частицей *ни* в единый комплекс, эволюционировав в частицу, а затем в формант неопределенного местоимения. Вплоть до XVIII в. эта конструкция конкурировала с синонимичной и структурно аналогичной конструкцией «местоимение + *ни есть*», другим кандидатом на роль неопределенного местоимения. В работе представлены некоторые наблюдения над особенностями функционирования обеих конструкций в деловой письменности Москвы и Новгорода XV в. — в эпоху, в которую вероятно отражение местных и даже диалектных различий в употреблении рассматриваемых структур.

Неопределенные местоимения с формантом *-нибудь* в современном русском языке относят к так называемым *нереферентным экзистенциальным*, что, прежде всего, характеризует сферу действия этих местоимений — невозможность, в отличие, к примеру, от местоимений с формантом *-то*, употребляться в конкретно-референтных контекстах. Иными словами, местоимение с формантом *-то* сообщает своей именной группе конкретно-референтный статус, местоимение с формантом *-нибудь* — *нереферентный* статус (см., например: [Падучева, с. 215–219]), ср. аномальность (б):

(а) *Я вижу, что кто-то пришел;*

(б) **Я вижу, что кто-нибудь пришел.*

Нибудь-местоимения в современном русском языке, согласно исследованиям А. М. Шелякина и Е. В. Падучевой [Шелякин; Падучева, с. 215–219], имеют следующую сферу действия:

- ситуация-альтернатива (условие, вопрос, контекст дизъюнкции или действие оператора 'возможно', ср.: *Или он спит, или куда-нибудь ушел*);
- ситуация, относящаяся к плану будущего (в контексте грамматического будущего времени, в побудительном и целевом контекстах, в контексте модальных слов и глаголов пропозициональной установки, ср.: *Она пошла купить чего-нибудь поесть; Он просит вас спеть что-нибудь*);
- дистрибутивная ситуация (ср.: *Каждый день со мной случается какое-нибудь несчастье*);
- ситуация с неизвестным участником (ср.: *Видимо, ее встречал кто-нибудь из родственников*)².

В типологических исследованиях неопределенных местоимений принято выделять три типовые ситуации, характерные для местоимений на *-нибудь* в современном русском языке, фактически включающие те же функциональные разновидности, которые входят в классификацию Е. В. Падучевой и А. М. Шелякина, однако иначе сгруппированные: *ирреальная предикация; общий вопрос; условная конструкция и др.* (см.: [Haspelmath; Татевосов, с. 141]).

Неопределенные местоимения с формантом *-нибудь* возникают в результате лексикализации обобщенно-уступительных конструкций типа «местоимение + *ни буди*». Императивная форма как источник форманта неопределенного местоимения — довольно распространенное явление как в русском языке, так и в славянских языках в целом, ср. в современном русском языке так называемые амальгамы *хоть кто, не пойми кто* и т. д., функционально близкие к неопределенным

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 15-04-00283).

² Приводимый Е. В. Падучевой пример, содержащий модальный оператор, по-видимому, все же относится к ситуации-альтернативе.

местоимениям³. Структуры подобного рода, очевидно, развиваются из вторичных употреблений императивных форм, ср. пример с условным императивом *буди*:

(1) Н кто *будн* нгумень н свящепнн цы н вы, оспода, напнште дѣда моего Якова... сына моего Васнля, дочерь мою Окуанну. Пнште, оспода, насъ вседеную⁴.

В некоторых других славянских языках (польском, украинском, белорусском) императив от основы *буд-* также послужил источником форманта неопределенного местоимения, ср., например, староукр. *будь каковы, будь кто*⁵; старопольск. *ktory bancz*⁶.

Первые примеры фиксации структур, послуживших источником неопределенных местоимений на *-нибудь*, в древнерусской письменности относятся к XIV в., ср.:

(2) Тако же н памѣстпнцн нашн, н ымыщнцн, н пнсцн, н пошлнпннкн, *кто нн будн*, атъ не въѣздыть, нн всылають... нн по что⁷.

В этот же период появляются и аналогично устроенные обобщенно-уступительные конструкции с формой презенса *есть*, утратившей согласование с антецедентом⁸, ср.:

(3) А ѿ салпнковѣ рѣукѣ до сѣго сѣса села *гдѣ нн естъ* ѿѣна наша... а за грнгорьевы(м) селомѣ в наволокѣ села *гдѣ нн естъ*... а в тын села Васнлю Федоровн(ѣ) не въступатцн⁹;

ср. также пример с частицей *но*¹⁰, который, однако, непоказателен в отношении наличия/отсутствия согласования с антецедентом:

(4) А что сѣ останеъ золото нлн серебро нлн нное *что но естъ*, то все моен кнѣгннѣ¹¹.

Подобные структуры с *бывшей* формой презенса в составе форманта неопределенного местоимения также не являются редкостью в славянских языках, ср., например, аналогичным образом устроенные болг. *кой да е, който и да е*.

Сосуществование в языке памятников XV в. обеих структур мест. + *ни буди* / *ни естъ* закономерно вызывает следующие вопросы. Какова сфера действия этих структур и отличается ли она от сферы действия современных неопределенных местоимений на *-нибудь*? Обнаруживаются ли признаки грамматикализации данных структур в текстах XV в., иными словами, каков морфологический статус компонентов *ни буди* и *ни естъ*? Существуют ли различия между структурами с формой индикатива и императива?

Семантические и синтаксические особенности структур с *ни буди* в деловых и гибридных текстах XV в. рассмотрены в нашей ранней работе 2011 г. (см.: [Пенькова]); структуры на *ни естъ* в ряду других структур с избыточными формами глагола *быти* на примере Псковских летописей описаны М. Н. Шевелевой (см.: [Шевелева, 2006]). Однако сопоставительному анализу названные конструкции до сих пор не подвергались. Этой проблематике и посвящена настоящая статья. Материалом для исследования послужили данные исторического модуля Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)¹² в объеме текстов XV в., а также издания московских и новгородских грамот XV в. (ДДГ и ГВНП соответственно), тексты из которых представлены в НКРЯ или частично (ДДГ), или не представлены вовсе (ГВНП)¹³.

³ Данные структуры рассмотрены Е. Г. Былинной и Я. Г. Тестелец [Былинная, Тестелец].

⁴ Валк С. Н. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949 (далее — ГВНП). № 325, XV в., сп. 1633 г., Обонежье. Здесь и ниже примеры приведены в орфографии, принятой в издании.

⁵ Гринчишин Д. Г., Гумецька Л. Л., Керницький І. М. Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Київ, 1977. Т. 1. С. 129.

⁶ *Urbańczyk S. Słownik staropolski. Warszawa, 1953. Т. 1, zeszyt 2. S. 72.*

⁷ Гр. 1361—1365 г. (твер.) (Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1998. Т. IV. С. 377).

⁸ Как показано М. Н. Шевелевой, связка *суть* к концу древнерусского периода выходит из употребления в живом языке и сохраняется только в книжных текстах [Шевелева, 2002, с. 62].

⁹ Гр XIV (6) (Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 2002. Т. V. С. 400).

¹⁰ О параллелизме частиц *ни, нѣ* и *на* см.: [Зализняк, с. 198—202].

¹¹ ДДГ. № 2. Цитируется по: [Зализняк, с. 192].

¹² URL: www.ruscorgo.ru.

¹³ В берестяных грамотах данные структуры не зафиксированы.

Обращение к текстам московских и новгородско-псковских деловых грамот объясняется, прежде всего, тем, что в XV в. рассматриваемые структуры встречаются преимущественно в деловой письменности (примеры из летописей в этот период единичны).

Семантические типы употребления конструкций мест. + ни буди / ни есть

Сферу действия этих структур в великорусской деловой письменности XV в. составляют четыре типовые ситуации.

1) *Ситуация-обобщение* представляет собой ситуацию, в которой говорящий сообщает о том, что все потенциально возможные участники ситуации принимают в ней участие ('для всех X верно P'). В контекстах подобного рода употребляются в рассматриваемый период обе интересующие нас структуры, ср.:

(5) Се даль посадинкѣ новгородскнн Иванъ Лукнннѣ святѣн Богороднцы Покрову... землю свою... во всен Туровскон земан... н Вѣшерскон земан пожнн рѣчнне н горнне, н ловннца, **что ни есть** [= все], без вывѣта¹⁴;

(6) Се купн нгуменѣ Варламъ святаго Николы... у Мартемьяна... отчнну его, землю н воду, н пожнн, н польшен лѣсъ, н ловннца повенецкне **гдѣ ни будн** [= везде], всѣ без вывѣта¹⁵.

2) *Ситуация произвольного выбора* включает контексты, в которых «говорящий вводит в рассмотрение множество объектов... один из которых предстоит выбрать слушающему» (см.: [Татевосов, с. 145]). В современном русском языке это сфера действия кванторов *любой, какой угодно, какой бы то ни было* ('для каждого X верно P, X может быть только один'). Данная типовая ситуация также характерна для обеих обобщенно-уступительных конструкций, ср.:

(7) А конхѣ люден прнвелн к целованію за велнкнхъ князен, кон жнвуть на Новгородскон землѣ в Торѣжку, нан за Волокомъ, нан ндѣ **гдѣ ни есть** [= в каком бы то ни было, в любом месте] а с тыхъ люден князн велнкн целованіе сложнша¹⁶;

(8) От велнко[о] кн[а]за Васнл[ѣ]а Васнл[ѣ]евнч[а] в Бѣжы[цкой Верх на]мѣспнком Нвану Нвановнч[ю] н Грнгорью Васнл[ѣ]евнч[ю], также н нпым монм намѣспнком, **кто мон намѣспнк на Бѣжыцком Версѣ ни будн** [= любой, кто бы то ни был]¹⁷.

3) *Ситуация прямого отрицания* объединяет контексты, в которых говорящий сообщает о том, что ни один из участников ситуации не принимает в ней участия ('для всех X верно, что не P')¹⁸. В современном русском языке в данных контекстах типичны отрицательные местоимения *никто, никакой* и т. п. Рассматриваемые конструкции встречаются в отрицательном контексте в памятниках XV в. чрезвычайно редко (всего по 3 примера), ср.:

(9) І Ивану Петровнцу не вступатнся въ Еснпову отчнну н в Матнгорскне і в ыные земан, в **которыє ни будн** [= ни в какие, какими бы они ни были], ни в берегахъ, ни в топяях¹⁹;

(10) А не вступатся Матфѣю въ Федоровы... села на Хохуан... н Ушаково село по рѣку в деревахъ на Ксоцн болшен дворѣ, н околпын села в Зяляднннн, н на Рукѣ, н на Горкѣ, н на Новѣнкѣ, **гдѣ ни есть** в Ксоцкомъ погостѣ²⁰.

4) *Ситуация-альтернатива* — это ситуация, которая характеризуется как потенциально возможная для участников ('для каждого X возможно P, X может быть только один'). В данной ситуации, типичной также и для местоимений на *-нибудь* в современном русском языке, употребляются только конструкции с *ни буди*, ср.:

¹⁴ ГВНП. № 114, 1456–1471 г., сп. 1688 г.

¹⁵ Там же. № 313, 1465–1478 г., сп. XVII в., Обонежье.

¹⁶ Там же. № 23 (грамота московская), сп. кон. XV — нач. XVI в.

¹⁷ НКРЯ: Великий князь Василий Васильевич. Грамота с прочетом в. кн. Вас. Васильевича в Бежецкий Верх наместникам Ив. Ивановичу и Григ. Васильевичу с извещением (1455–1462).

¹⁸ Необходимость выделения данной типовой ситуации объясняется тем, что в процессе грамматикализации и утраты глаголом предикативности рассматриваемые структуры в подобных контекстах, переставая функционировать как придаточные, попадают в сферу действия отрицания.

¹⁹ ГВНП. № 137, первая треть XV в., сп. XVII в.

²⁰ Там же. № 122, XV в.

(11) ꙗ гдѣ будетъ какова хрнстиянина н[ан] на землю окупитъ нан помочн ѹнмѣ нн будн [‘если случится... помочь чем-нибудь’], а то нгумену Якнму н всен братье... сопча²¹.

Итак, конструкции обобщенно-уступительной семантики мест. + *ни буди* / *ни есть* в великорусской письменности XV в. имеют между собой семантические различия: сфера действия первых несколько шире и включает также альтернативные ситуации, что, напротив, не характерно для вторых. Статистическое сопоставление позволяет представить различия между конструкциями более наглядно (см. таблицу 1).

Таблица 1

Тип употребления	Мест. + <i>ни буди</i>	Мест. + <i>ни есть</i>
<i>Ситуация-обобщение</i>	11	34
<i>Ситуация произвольного выбора</i>	7	1
<i>Ситуация прямого отрицания</i>	3	3
<i>Ситуация-альтернатива</i>	15	0

Таким образом, обобщенно-уступительные конструкции с индикативными формами *ни есть* функционируют в рассматриваемый период в основном в качестве эмфатических аналогов универсальных местоимений и наречий со значениями ‘все’, ‘всё’, ‘езде’. Функции обобщенно-уступительных конструкций с императивными формами *ни буди* более разнообразны: эти структуры практически в равной степени характерны как для ситуации-альтернативы, так и для ситуации-обобщения и достаточно широко представлены в ситуации произвольного выбора, чего нельзя сказать о структуре с формой индикатива. Семантические различия такого характера между структурами в целом ожидаемы и предсказываются внутренней формой структур. Альтернативность присутствует в семантике императива *буди* в составе обобщенно-уступительной конструкции: «...побуждение воображаемого адресата (= Наблюдателя) совершить некий мысленный акт подстановки каждого элемента из множества в описываемую ситуацию: *кто ни буди* ‘кто ни окажись’ как бы “распадается” на ‘окажись X, окажись X1... окажись Xn’...» [Пенькова, с. 254], как в примере (12):

(12) ꙗ за все за то взятн князю у Новгорода двенадцать тысячн серебра, будн Андрѣевѣ дѣтн, будн Машко з дѣтнн, нан Юрьн Калѣка н все галцины²² ‘а за все то взять князю у Новгорода двенадцать тысяч серебра, будь то (окажись это) Андреевы дети, будь то (окажись то) Машко с детьми, или Юрий Калека и все заложники...’.

Структура с индикативом, напротив, в своей внутренней форме семантики альтернативности не содержит.

Любопытным образом данные семантические различия отражаются на сочетаемости *ни буди* и *ни есть* с различными типами вопросительных местоимений в рассматриваемый период. Так, для комплекса *ни есть* характерна сочетаемость с местоимениями и местоименными наречиями *гдѣ* (18/38, ср. (10)), *что* (19/38, ср. (5)) и *колько* (1/38), в результате чего возникают структуры со значениями ‘езде’ (*гдѣ ни есть*) и ‘всё’ (*что ни есть, колько ни есть*), типичными для соответствующих универсальных местоимений и наречий.

Напротив, комплекс *ни буди* в рассматриваемый период имеет более широкую сочетаемость (*частотность использования* (так называемый *type frequency*), в терминологии Дж. Байби – количество лексических единиц, с которыми сочетается структура (см.: [Bybee, Thompson])), включающую преимущественно местоимения *чию* (10/36), *кто* (12/36, ср. (8)), *каковъ, какой* и *который* (10/36, ср. (9) и (13)). Преобладание в данном списке местоимений-прилагательных, семантически более склонных к образованию структур со значением произвольного выбора ‘чей бы то ни было, чей угодно’, ‘какой бы то ни было, любой’, согласуется с описанной выше

²¹ Там же. № 294, ок. 1456 г., сп. XVII в., Обонежье.

²² Там же. № 11, 1316 г.

дистрибуцией конструкций мест. + *ни буди*, типичных для *ситуации-альтернативы* и *ситуации произвольного выбора*. И только в четырех примерах комплекс *ни буди* употреблен с наречием *здѣ* (4/36, ср. (6)) и в одном случае — с местоимением *что* (ср. (11)). Любопытным фактом в связи с последней особенностью является довольно распространенная в московских грамотах (и почти не встречающаяся в новгородских) структура *здѣ бы ни было*, употребляющаяся аналогично *здѣ ни есть*:

А добра ти нам хотѣти вездѣ во всем гдѣ бы ни было²³.

Местные особенности структур мест. + *ни буди* / *ни есть*

Рассмотрим теперь, как употребляются рассматриваемые конструкции в памятниках, принадлежащих разным диалектным зонам (северо-западной и центральной) и местным традициям деловой письменности. Результаты сопоставления представлены в таблице 2: указывается количество употреблений конструкций в каждой из описанных выше типовых ситуаций в текстах центральной (Центр) и северо-западной (Северо-Запад) диалектных зон.

Таблица 2

Тип ситуации	Мест. + <i>ни буди</i>		Мест. + <i>ни есть</i>	
	Центр	Северо-Запад	Центр	Северо-Запад
Ситуация-обобщение	9	2	12	22
Ситуация произвольного выбора	7	0	0	1
Ситуация прямого отрицания	1	2	2	1
Ситуация-альтернатива	14	1	0	0

Таким образом, конструкции с *ни буди* в большей степени характерны для памятников Москвы²⁴, тогда как структуры на *ни есть* более частотны в текстах Северо-Запада.

Довольно большое количество примеров с *ни есть*-структурами в московских грамотах едва ли свидетельствует об их распространенности в деловой письменности Центра, поскольку эти употребления ограничены несколькими памятниками: из 12 случаев употребления конструкций мест. + *ни есть* в московских грамотах 6 случаев приходятся на однородное перечисление в грамоте № 85, еще 4 примера встретились во второй и третьей духовных грамотах великого князя Василия Дмитриевича.

Сфера действия структур с императивной формой включает ситуацию-альтернативу, ситуацию-обобщение и ситуацию произвольного выбора, однако в памятниках новгородско-псковского ареала, насколько позволяют предполагать немногочисленные примеры, конструкции с *ни буди* почти не встречаются в ситуации-альтернативе, то есть сфера их действия совпадает со сферой действия структур с *ни есть*, возможно, под влиянием последних. Конструкции с *ни есть* при этом за редким исключением употребляются как синонимы универсальных местоимений и наречий *всѣ* (*что ни есть*), *езде* (*здѣ ни есть*).

Показательным для нас является тот факт, что в ситуации-обобщении, в отличие от ситуации-альтернативы, мы почти не находим контекстов, которые свидетельствовали бы о тенденции к грамматикализации структуры. Иными словами, переосмысление синтаксических функций элементов конструкции мест. + *ни буди* начинается в контекстах, относящихся к ситуации-альтернативе и ситуации произвольного выбора, ср.:

(13) А мнѣ, велнкому кн(а)зю, в д(у)шегубствѣ, н в розбон, н в татѣ с полнчупым, н в протамож(ѣ) н, н в *каковѣ дѣлѣ ни буди*, твоих люден судити н казнити вола во всем²⁵;

²³ ДДГ. № 306, [1433 г.].

²⁴ Ср. также: [Пенькова, с. 263] — предположение о том, что тенденция к морфологизации *ни буди* в составе неопределенного местоимения зарождается в говорах Центра.

²⁵ ДДГ. № 84а, 1496 г.

(14) ꙗ что мн слышав со вашим добръ или со лнсъ сот кр(е)стьянина или сот нповѣрца, сот кого ни бѣди, а то мн вамъ поведати въ правдѣ²⁶.

Подробный анализ синтаксического статуса конструкций с *ни есть* затруднен, поскольку в большинстве употреблений приходится иметь дело с местоименным наречием *гдѣ* (всего таких случаев 18), то есть с контекстами, непоказательными в отношении того, как могла бы вести себя конструкция в сочетании с предлогами и могла ли она заполнять актантную позицию главного предиката (ср. примеры (13), (14)). В тех случаях, когда первым компонентом структуры является местоимение *что*, конструкция, как правило, сохраняет синтаксис придаточного предложения и предикат управляет генитивом именной группы, ср.:

(15) ꙗ еше даше Федоръ и его жена Огурфена и дѣти Матфѣю Нвановну на Вѣшерѣ село Навѣцалци свои двѣ части, и пожни и лѣсъ того села, и котель пивной, да двое платя за Федоровъ жнвотъ и за Еремѣевъ; *что ни есть Федорова жнвота и Еремѣева*, а то Федору и его женѣ и его дѣтемь... все безъ вывѣта²⁷;

(16) ꙗ приказываю на Вѣшерѣ землю свою куплю во всем Туровском земли двѣ трети, надъ Вѣшерою рекою село, гдѣ болшой мой дворъ и хоромы... полевую землю и лѣшную землю и пожни рѣчные и пожни горние тѣхъ селъ, *что ни есть селъ*, все безъ вывѣта... всему роду и племенн нашему на память, и за свою вну и володѣнне²⁸.

Некоторые выводы

Сопоставление данных новгородско-псковских и московских грамот XV в. свидетельствует о различиях в употреблении *ни буди*- и *ни есть*-структур в деловой письменности Москвы и Новгорода: различаются как сфера действия, так и их частотность в памятниках разной территориальной принадлежности, что может указывать на существование в рассматриваемый период местных или даже диалектных различий в употреблении данных структур.

Общее направление эволюции конструкций на *ни буди* представляется примерно следующим: в процессе грамматикализации структуры на *-нибудь* утратили возможность употребляться в контекстах произвольного выбора и в качестве синонимов универсальных местоимений и, напротив, расширили свою сферу действия за счет ирреальных предикаций. Иными словами, *ни буди* из показателя произвольного выбора превратился в показатель неререферентности высказывания²⁹.

Литература

Былина Е. Г., Тестелец Я. Г. О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений в русском языке: амальгамы и квазирелятивы // Институт проблем передачи информации РАН. Семинар «Теоретическая семантика». 15.04.2005.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.

Кобозева И. М. Опыт прагматического анализа *то-* и *нибудь*-местоимений // Известия АН СССР. Серия литературы и языка 40. М., 1981. № 2. С. 165–173.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.

Пенькова Я. А. Императив *буди* в памятниках XV века: к вопросу о формировании неопределенных местоимений на *-нибудь* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2011. № 1 (21). С. 251–265.

Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М., 2002.

Шевелева М. Н. Судьба форм презенса глагола *быти* по данным древнерусских памятников // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2002. № 5. С. 55–72.

Шевелева М. Н. Некнижные конструкции с формами глагола *быти* в Псковских летописях // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 215–241.

²⁶ Там же. № 826, 1486 г.

²⁷ ГВНП. № 122, XV в.

²⁸ Там же. № 120, не позднее 1471 г., сп. 1688 г.

²⁹ Ср. [Кобозева] о *нибудь*-местоимениях в современном русском языке.

Шелякин А. М. О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке // Ученые записки Тартуского университета. 1978. Вып. 442. С. 3–22.

Bybee J., Thompson S. Three frequency effects in syntax // Proceedings of the Twenty-Third Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session and Parasession on Pragmatics and Grammatical Structure. 2003. P. 378–388.

Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford, 1997.

